

Казахские традиционные загадки как специфическая форма трансляции культурно-исторического опыта

А.М. Нургалиева

Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова,
г. Уральск, Казахстан

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4447-5935>, e-mail: agilan2009@rambler.ru

К.А. Нургалиев

Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова,
г. Уральск, Казахстан, член ИСКАР

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-5272>, e-mail: nourgk@rambler.ru

Данная статья развивает идеи М.М. Муканова о важности психологического подхода к продукту устного народного творчества в культурно-историческом аспекте. Этнический менталитет соответствует социальным и историческим реалиям жизнедеятельности этноса, создающего уникальную культуру. Значимой частью проявления этнического менталитета являются произведения устного творчества как продукта мыслительной деятельности многих поколений. Джон М. Дайенхарт (Dienhart) также подчеркивал, что загадки «могут служить полезным идентификатором культурных норм и мировоззрения» [34]. Таким образом, в статье рассматриваются: загадки как специфический элемент казахской культуры, как особая культурная традиция; роль загадок в трансляции культурно-исторического опыта; особая логическая конструкция загадок; специфика процесса отгадывания. В заключение обсуждается, что общего и что различного в отгадывании загадок по сравнению с решением учебных и творческих задач. Показано, что трудности отгадывания связаны с замаскированностью искомого под оболочкой этнического контекста и особым способом «штамповки» загадки. В творческой задаче важнейшим моментом является рефлексивное усилие, направленное на осознание и изменение способа действия. А в казахской загадке сочетаются соотношение двух содержаний по гештальту, мышление аналогиями, трансдукция и этнокультурный контекст. В этом смысле отгадывание казахской загадки — «это три в одном»: освоение культурно-исторического (этнокультурного) опыта (закодированного в содержании загадки), освоение способа метафорического мышления (мышление в моделирующих представлениях), приобщение к культуре интеллектуальной состязательности. Это согласуется с идеей А. Тейлора о том, что загадка является универсальным искусством [38].

Ключевые слова: психологическая антропология, историческая этнология, этнический менталитет, загадка, айтыс, метафоричность мышления, проверка интеллектуальной зрелости, культурно-исторический опыт, творческая задача.

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке МОН РК в рамках проведения научных исследований по проекту ИРН AP09563101 «Духовные святыни казахов ближнего зарубежья (на примере приграничных с Западным Казахстаном областей РФ)».

Для цитаты: Нургалиев К.А., Нургалиева А.М. Казахские традиционные загадки как специфическая форма трансляции культурно-исторического опыта // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 4. С. 59–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180406>

Kazakh Traditional Riddles as a Specific Form of Translation of Cultural-Historical Experience

Agila M. Nurgaliyeva

West Kazakhstan University after M. Utemissov, Uralsk, Kazakhstan
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4447-5935>, E-mail: agilan2009@rambler.ru

Kenes A. Nourgaliev

West Kazakhstan University after M. Utemissov, Uralsk, Kazakhstan
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-5272>, e-mail: nourgk@rambler.ru

This article develops the ideas of M.M. Mukanov about the importance of a psychological approach to the product of oral creativity in ethno-historical terms. Ethnic mentality corresponds to social and historical realities of the life of the ethnos creating a unique culture. An important part of the manifestation of ethnic mentality belongs to the works of oral creativity – the product of the mental activity of many generations. John M. Dienhart (Dienhart) argued that riddles “can serve as a useful identifier of cultural norms and worldview” [34]. Thus, the article discusses riddles as a specific element of Kazakh culture, as a special cultural tradition; the role of riddles in the translation of cultural and historical experience; how exactly the peculiarities of mentality manifest themselves in riddles; what the specificity of the guessing process is. In conclusion, we discuss what the common and the different in guessing riddles compared to solving educational and creative tasks. It is shown that the difficulties of guessing are associated with the disguise of the sought under the shell of the ethnic context and a special way of “stamping” the riddle. In a creative task, the most important moment is a reflexive effort aimed at awaring and changing the way of action. And the Kazakh riddle combines the correlation of two contents according to gestalt, thinking by analogy, transduction and ethno-cultural context. In this sense, guessing the Kazakh riddle is “three in one”: mastering cultural and historical experience (the enclosed content), mastering the method of metaphorical thinking (thinking in modeling representations), mastering the ethno-cultural context. Thus, it corresponds to Archer Taylor's thesis that the riddle is a universal art [38].

Keywords: psychological anthropology, historical ethnology, ethnic mentality, riddle, aitys, metaphoricality of thinking, intellectual maturity testing, cultural-historical experience, creative task.

Funding. The research was carried out with the financial support of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan in the framework of scientific research under the project IRN AP09563101 “Spiritual shrines of the Kazakhs of the near foreign countries (on the example of the regions of the Russian Federation bordering with Western Kazakhstan)”.

For citation: Nourgaliev K.A., Nurgaliyeva A.M. Kazakh Traditional Riddles as a Specific Form of Translation of Cultural-Historical Experience. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 4, pp. 59–69. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180406>

Введение

В настоящее время влияние глобализации приводит к размыванию этнокультурных границ, взаимопроникновению и переоценке культурных ценностей, утрате этнически значимого опыта предков.

Казахи являются одним из этносов, проживающих в России. Поэтому обращение к их этническому менталитету может представлять интерес при изучении этнокультурных проблем ее народов. О том, что традиции казахской культуры живы здесь и продолжают развиваться, свидетельствует, например, деятельность многих общественных организаций, занимающихся сохранением, поддержкой и развитием казахских культуры.

Обращение к загадкам и другим малым жанрам фольклора позволяет, как отмечал В.Ф. Петренко [26], подойти к изучению особенностей человеческой

психики не абстрактно, исследуя некоего внеисторического субъекта, а в контексте определенного своеобразного строя культуры, характерного для того или иного народа.

Обращение к этническому менталитету казахского этноса позволяет отчетливее осознавать сущность и своеобразие его культуры. Этнический менталитет соответствует социальным и историческим реалиям жизнедеятельности и жизнеобеспечения этноса. Этнос создает уникальную культуру, доминирующие культурные темы которой имеют общечеловеческий характер, а ее форма у разных народов отличается своеобразием, отражающим специфику данного этноса. Этнический менталитет казахов основывается на системном сочетании множества эндогенных и экзогенных факторов, воздействовавших на этнос на протяжении его исторического пути. При этом культурные факторы, действующие преимущественно

во временных измерениях, сочетались с факторами среды обитания, действующими в координатах пространства, иногда называемыми геокультурными факторами.

Значимой частью проявления этнического менталитета выступают произведения устного народного творчества, порожденные жизнью в ее конкретных исторических условиях. Поэтому устное народное творчество, в котором закреплены отраженные сознанием взаимоотношения между явлениями действительности и оценка этих явлений, традиции осмысления реальности, можно рассматривать как важный источник при изучении этнического менталитета. Загадки, пословицы, фразеологизмы, как и любой другой вид устного творчества, являются продуктом мыслительной деятельности многих поколений и выполняют функцию носителя общих человеческих ценностей, передающих и несущих из поколения в поколение особенности этнического менталитета.

В дописьменный период истории казахского этноса устное творчество было широко распространено, что, как считает М.М. Муканов, было связано с их кочевым образом жизни и спецификой скотоводческого хозяйства [21]. По мнению Е.Д. Турсунова [30], такая разновидность казахского искусства, как айтыс, первоначально носила ритуальный характер, а затем превратилась в специфический жанр художественного фольклора.

Этноментальные парадигмы, проявления этнической психологии и менталитет находят отражение в таком жанре фольклора, как загадка. Арчер Тейлор [38, с. 3] даже утверждает: «загадка — это универсальное искусство». В загадках народ создает поэтический образ всего, что его окружает: предметов, событий, явлений, людей, животных и т. д. Загадка наводит на размышления, заставляет задуматься над качествами и свойствами предметов и явлений. Поэтому она знакомит с мировоззрением, отношением к окружающему, с чувствами и мышлением, с языковыми особенностями и развитием общественного сознания народа, особенностями народного быта.

Объектом анализа в данной статье выступает загадка как феномен народной культуры, специфическая форма художественного сознания казахского народа и трансляции культурно-исторического опыта, накапливаемого поколениями, в дописьменный период его истории.

Загадка как феномен народной культуры

Если мышление — это познание мира, то менталитет — манера мышления, его своеобразие.

По определению О.А. Кукоба [16], под этническим менталитетом подразумевается глубинный уровень массового сознания, то, что представители историко-психологической и культурно-антропологической мысли называли своего рода «психологической оснасткой» любой социальной общности, которая позволяла ей по-своему воспринимать как окружающую среду, так и самих себя. Эта «психологическая

оснастка» проявляется в характерном для данной общности мироощущении и мировосприятии, имеющем эмоциональное, аксиологическое и поведенческое выражение.

Данное определение вполне согласуется со взглядами на эту проблему видных российских психологов и этнологов. Так, В.Ф. Петренко [26, с. 23] отмечает: «Человеческое восприятие и осознание мира, процессы его памяти, мышления и воображения вооружены и одновременно ограничены той конкретно-исторической системой значений, несущей в себе совокупный общественный опыт, которая присуща той или иной социальной общности, той или иной культуре». О формировании этнических констант пишет этнолог С.В. Лурье [18, с. 297]: «В процессе приспособления, адаптации этноса к окружающей неблагоприятной природной и социальной среде происходит формирование зачастую бессознательных этнических констант, которые помогают этносу выжить и развиваться. Эти этнические константы представляют собой некую неизменную форму упорядочения опыта, содержанием которого является реальный опыт культурной и исторической жизни народа. Именно этнические константы служат той призмой, посредством которой этнос смотрит на мир».

Первый казахский доктор психологических наук Мажит Муканов [22, с. 88] писал о метафоричности мышления как важной характеристике для отгадывания казахских загадок: «Во-первых, кочевой образ жизни богат всевозможными приключениями, во-вторых, он позволяет постоянно менять место и тем самым дает возможность каждый раз сталкиваться с новыми объектами действительности. Это создает предпосылки для мысленного сопоставления отдаленных предметов, построения разнообразных метафор, часто оперирования иносказательной речью».

Отгадывание загадок, будучи мериллом интеллектуальной зрелости каждой из сторон в состязаниях, широко практиковалось в жизни, особенно у кочевых народов. Они были популярны среди молодежи. В работах М.М. Муканова содержится мысль о рефлексивной функции фольклора, несущего в себе вековой опыт и систему ценностей народа. По его мнению [21], загадки, пословицы, поговорки в традиционной культуре выступают для обыденного сознания своеобразной формой рефлексии, понимаемой как процесс критического осмысления текущей деятельности и основание перехода к новой деятельности.

Социальную роль загадок изучали Дэвид Эванс [35], Аннике Кайвола-Брегенхой [36]. Социальная основа загадок связана с производственным процессом, с укладом жизни народа, и эта связь ощущается в том, какой предмет и как передан, с помощью какого образа, какой метафорой он выражен. Свообразие социально-экономических, географических условий Казахстана также оказали влияние на казахские загадки. По своему содержанию загадки могут включать в себя практически все сферы человеческой жизни и варьироваться в зависимости от интересов и обычаев общества, в котором их используют. А так как казахи в основном скотоводы, добрая треть, если

не половина, казахских загадок касается скотоводства или оттуда заимствует сравнения.

Многие ученые чувствовали необходимость создавать уникальные определения загадки, соответствующие изучаемой культуре. До сих пор нет ни одного определения загадки и ее отличительных особенностей, вошедших в общий оборот.

Вызывает интерес утверждение Джона М. Дайенхарта [34], что загадки «...могут служить полезным идентификатором культурных норм и мировоззрения». О специфичности использования загадок в разных сообществах говорит Роджер Д. Абрахамс [32, с. 156]: «Загадки одинаково шаблонны, соревновательны, запутанны и остроумны, но они вписываются в жизнь группы и раскрывают ее ценности и экспрессивные привычки самыми разнообразными способами».

Корень русского слова «загадка» (от глагола «гадать») как бы указывает именно на это, и сам процесс отгадывания носит преимущественно вероятностный характер (гадание может сбыться, а может и не сбыться). В казахском же языке загадка передается как «жумбак» (от глагола «жум», что означает «закрывать», «скрывать»). Данное значение, естественно, указывает на процесс не гадания, а нахождения чего-то скрытого, непосредственно не данного в тексте. Нахождение же того, что лежит за пределами непосредственно данного, предполагает работу мышления. Мы будем пользоваться термином «загадка» именно в этом значении. Такое понимание загадки сближает ее с русским словом «задача». Анализируя этимологию слова задача, С.Л. Рубинштейн [28] делал акцент на наличии скрытого содержания в задаче («за-данное»), которое нужно раскрыть, извлечь из условий («данных»).

Загадки, как особый феномен народной культуры, привлекали внимание исследователей не только в самом Казахстане.

Первыми собирателями и издателями казахских загадок были видные русские фольклористы-востоковеды: В.В. Радлов, П.М. Мелиоранский, А.В. Васильев, Д.А. Диваев и др. Ряд загадок был опубликован в периодических изданиях [2; 18], напечатан в виде хрестоматий или отдельных книг [5]. В 1903 г. в Казани Нуржаном Наушабаевым, одним из участников состязания певцов-импровизаторов, был опубликован его текст под названием «Жұмбақ. Нұржан мен Сапарғалидін айтысы» (Загадки. Айтыс Нуржана и Сапарғали).

В 1940 г. впервые появился сборник казахских народных загадок под названием «Жұмбақтар» («Загадки», составитель С. Аманжолов), который можно причислить к полным сборникам. Этот же сборник был дополнен и переиздан в 1959 г. С. Аманжоловым и Т. Жанузаковым («Казахские народные загадки»). В нем имеется около тысячи народных и восемь состязательных загадок. В 2003 г. вышло новое издание «Казахские загадки», подготовленное Сарсеном Аманжоловым. В 1965—1966 гг. был издан трехтомник под названием «Айтыс», куда вошли лучшие образцы этого богатого наследия народа. В своем исследовании мы использовали материалы упомянутых изданий.

Загадка как форма трансляции культурно-исторического опыта

Загадки появляются в глубокой древности, и искусство загадывания/разгадывания загадок развивается и шлифуется на протяжении многих веков. Столь долгое существование загадок в казахской культуре, интерес к ним различных ученых, сохраняющийся уже на протяжении более чем двух веков, наводит на мысль о том, что загадки играют важную роль в жизни народа, в его развитии.

Одно из объяснений возникновения загадок как культурной традиции можно найти у К. Леви-Стросса [37, р. 23], который отмечал, что ум человека не мог бы возникнуть и достичь столь высокого совершенства, если бы люди ограничивались только удовлетворением непосредственных потребностей в пище, одежде и т. д. Это могло произойти лишь благодаря наличию опосредствованных интересов, т. е. увлечению побуждениями, не имеющими непосредственного отношения к труду (стремление познать неизвестное, размышлять наедине с самим собой, вести дискуссию с другими и т. д.).

Но из тезиса о наличии духовных потребностей, наряду с материальными, невозможно объяснить, почему именно загадки и развивающаяся в связи с ними особая интеллектуальная культура приобретают столь важное значение в жизни данного этноса.

Можно предполагать, что загадки приобретают особо важную роль именно в сохранении, поддержании, развитии и трансляции культурно-исторического опыта этноса в условиях отсутствия письменности и института образования как такового.

Загадки от остальных видов фольклора отличаются тем, что действуют на отгадчика занимательностью, вызывая работу его мышления. Это происходит потому, что загадка действует на человека неожиданно, как игра слов и парадокс. В отличие от пословиц, загадки рассматриваются как вид активности, в том числе предназначенный для особых случаев, при организации публичных состязаний и массовых мероприятий.

Например, для того, чтобы показать свою выносливость, люди участвовали в спортивных состязаниях. Точно так же на ранних стадиях исторического процесса в минуты досуга они задавали друг другу загадки с целью проверки интеллектуальной зрелости. В литературе не раз подчеркивался тот факт, что загадки — это битва умов и они направлены на развитие быстроты ума.

Явная цель загадок как будто бы развлечение. Однако в загадке усматриваются и другие ее функции. Загадки можно рассматривать в качестве инструмента образования, если понимать «образование» в контексте процесса трансляции культуры, как способ фиксации и передачи социально ценного опыта старших поколений, знаний о быте и традициях своего этноса. Вопросы, заключенные в загадках, как бы заменяли школьные знания, обучая детей быстрому мышлению, интеллектуальным навыкам и классификации. Это особенно относится к тем периодам

в жизни этнических общностей, когда не было (или поныне нет) специально организованного обучения. Именно в жизни таких племен и народов загадки, пословицы и другие крылатые слова заменяли людям то, что в наше время называют образованием.

Загадывание загадок, таким образом, является социальным событием, в котором ценится развлечение, сообразительность, получение правильного ответа. Разгадывание загадок требует от человека его собственной (субъектной) активности, интеллектуального напряжения, воображения; таким образом «учебная деятельность» в форме загадывания/разгадывания загадок, в которых зашифрован культурный опыт, становится источником личностного и интеллектуального развития во взаимодействии ребенка и взрослого, что точно согласуется с одним из базовых положений культурно-исторической психологии Л.С. Выготского [7].

Важно отметить, что в развитии индивида значительную роль играют не только совершенствование способности к отгадыванию, но и овладение искусством глубоко «зашифровать» загаданный объект.

Специфика казахских традиционных загадок

Древность возникновения казахских загадок доказывается не только архаичностью многих их словесных компонентов и самой структурой, но и примерами из дошедших до нас исторических памятников (Кодекс куманикус, словарь Махмуда Кашгарского и т. д.).

В казахском обществе бытовали различные разновидности загадок. В данной статье мы ограничимся рассмотрением двух их видов: обычных и состязательных.

Обычные (предметные) загадки — более древние по форме. Состязательные загадки развивались на основе простых народных загадок и являются развернутой формой простых (предметных) загадок.

Примером обычной загадки является загадка на тему скотоводства: «Есть 12 кобыл, 8 из них жеребье (дают приплод), а 4 нежеребье». Разгадать ее, не владея знанием этнокультурного контекста, непросто. Речь идет об основных костях животных, употребляемых в пищу. В восьми костях у них есть костный мозг («приплод»), а в четырех костный мозг отсутствует (например, лопатка и др.).

Другая загадка требует знания национальных музыкальных традиций. «Живот как тыква, нога как палка. Заденешь — плачет, а плач людям нравится». Ответ — домбра, национальный музыкальный инструмент. Даже в обычной загадке передается не только внешний облик инструмента, но и эстетический культурный опыт: звук домбры сравнивается с плачем, но при этом приносит наслаждение слушающему.

Широко известна загадка о человеке, хотя большинство не знают, что это тоже «обычная» казахская загадка: «Утром на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех». Имеются в виду три основных возрастных периода человека: младенческий возраст

(ребенок передвигается на четвереньках), взрослый возраст (на двух ногах), старость («на трех ногах», т. е. человек ходит, опираясь на палку).

Особый интерес представляют состязательные загадки. Устные состязания, связанные с отгадыванием парадоксальных загадок, были широко развиты в Индии, Афганистане, среди бедуинских племен современной Саудовской Аравии. Можно предположить, что почти все народы прошли этот способ развития ума путем организации полемики.

О распространении среди казахов загадок для проверки ума и находчивости в ранние периоды мы можем судить по сохранившимся преданиям. Так, в прошлом пастух, бедняк Аяз стал советником хана благодаря своему уму и мудрости. Он выдержал несколько испытаний хана Мадана. Аяз доказал хану, что из трав худшей является рогоз, худшей из птиц — сорока. Разгадав эти сложные загадки, Аяз тем самым избавил от смерти 40 завистливых, глупых визирей. Позже по желанию народа его избрали ханом [14, с. 198–211].

Похожие предания сохранились и о мудром ораторе Жиренше. В период нахождения на казахском престоле хана Жанибека (XV век) часто устраивались состязания, на которых отгадывались загадки. Традиция рассказывает, что однажды Жанибек объявил присутствующим о том, что человек, занявший первое место в отгадывании загадок, будет назначен визирем. Таким человеком оказался Жеренше (он известен в истории под именем Жиренше-красноречивый). Он спас визирей, которые не смогли ответить на вопрос хана «Каково расстояние между ложью и правдой?» Жиренше нашел разгадку: «То, что слышишь ушами, может быть и ложью, а то, что увидел глазами, это сущая правда, значит расстояние между ложью и правдой равно расстоянию между ухом и глазом». Хан был удовлетворен, а визири получили свободу [8, с. 299].

Если загадки, названные нами обычными, прошли через определенный отбор из поколения в поколение и их содержание в известной мере устоялось и является нормативным для данной общности, то загадки состязательные загадываются экспромтом, когда один вызывает другого на состязание.

Можно допустить, что состязательные загадки возникли под влиянием самого распространенного вида искусства казахов, известного с давних времен под названием айтыс. Айтыс как распространенный вид творчества у казахов, — пишет М.М. Муканов, — известен с давних времен. Сущность его заключается в том, что два или более лица (часто для этой цели специально приглашенные) в присутствии значительного количества людей стремятся показать справедливость, истинность собственной точки зрения и опровергнуть мнение противоположной стороны. Тема айтыса заранее не объявлялась; одна из сторон экспромтом (часто сопровождая свое выступление игрой на домбре) начинает в форме стиха говорить на какую-то тему (часто о себе или о человеке, который вступает с ним в состязание). Другая сторона в это время внимательно слушает говорящего и одновре-

менно про себя готовит ответ. После многочасовой полемики одна из сторон часто признает себя побежденной (хотя и не всегда) ...» [22, с. 92].

Возможно, что устные состязания происходили с помощью обычной аргументации и доводов, а затем, чтобы проверить у каждой стороны уровень интеллектуальной зрелости, устное состязание облакалось в форму загадок. Казахский писатель Сабит Муканов [24, с. 201] подметил своеобразные особенности состязательных загадок: «Состязательные загадки — один из трудных видов в состязании акынов. Здесь недостаточно быть только акыном (поэтом), необходима также находчивость и сообразительность». К этому психолог Мажит Муканов [22, с. 92] добавляет, что айтыс у казахов, будучи ярким, захватывающим зрелищем, служил для проверки способности людей к логическому построению мыслей в их специфической форме.

Айтысы-загадки — самая сложная форма айтысов. Это — живой поэтический поединок с активным участием аудитории, в котором соперники оттачивают свое мастерство, создают новые образы, обращаясь к актуальным темам. В этом словесном состязании должны проявляться не только остроумие и красноречие, но и широкие знания, сообразительность. Здесь участники свои мысли излагают иносказательно и в рифму, что затрудняет нахождение правильного ответа, без чего и для автора загадки, и для зрителей игра была бы скучной. Но при этом загадки, которые выносятся на айтыс, должны быть понятными, отражать предметы, процессы, встречающиеся в данной культурной среде.

Айтыс-загадка проводится на празднествах в день наречения ребенка, на молодежных вечерниках, на пирах и свадьбах. Казахский ученый-просветитель Чокан Валиханов [4, с. 283] в своей рукописи, обнаруженной в 1857 г., среди форм казахских песен выделил форму, названую им «каим» (от казахского слова «каимдасу» — втупать в словесное или песенное состязание; то же, что айтыс в наше время): «Каим — песни, употребляемые при свадьбах, состоящие в вопросах и ответах между молодыми людьми и девицами; они состоят из четверостиший, в которых рифмуют первые два стиха с четвертым. Эти песни заключают иногда в себе загадки, эпиграммы и, наконец, шуточную брань, доходящую до самого отчаянного цинизма выражений». То есть он зафиксировал существование подобной формы состязаний.

Сейчас айтыс в загадках встречается очень редко. Раньше бывало, что на загадку одного акына свой ответ давали сразу несколько участников состязания. Так, девушка Ырысты прославилась айтысом-загадкой с шестнадцатью акынами. Она загадала: «Есть у тебя караванный верблюд, чтобы навьючить юрту? Навьючив юрту, как освободить тяглого верблюда? Есть ли у тебя средство, чтобы сделать старого молодым?»¹. На эту загадку попытались ответить шест-

надцать акынов из низовий Сырдарьи, но только Базар-жырау дал правильный ответ: «Если человек всегда радостен и весел, не знает горя и печали, он не стареет» [4].

Из айтысов-загадок в памяти народа сохранилось состязание Сапаргали Алимбетова (1880—1957) и Нуржана Наушабаева (1859—1919). Событие имело место в 1896—1897 гг. В течение одного часа Сапаргали предложил Нуржану 26 стихотворных загадок, а тот экспромтом дал ответы в стихотворной форме. Вот пример загадки из этого айтыса, загаданной Сапаргали [1, с. 462—474]:

Сапаргали: «Құс көрдім өзі жансыз, бір аяғы.
Теңізде салған жолы сайрап жатыр»

(Видел мертвую птицу с одной ногой... следы этой птицы на море сверкают).

Нуржан: «Жансыз құс бір аяқты, мұның — қалам.
Теңіз, мысал, қағазғой, жолың — жазу»

(Неживая птица одноногая, это ручка. Море, например, лист бумаги, дорожка — запись).

Акын Сапаргали в своей загадке сравнил карандаш или ручку с одноногой птицей, а бумагу с безбрежной водной гладью. Акын Нуржан сразу угадал загаданный образ. Это состязание ярко иллюстрирует своеобразную игру изображений, как автора, так и отгадчика.

Загадки, которые выносились на упомянутых сборах, сохранились до сего времени. Тексты состязательных загадок опубликованы во многих изданиях, а также хранятся в ряде рукописных библиотечных фондов республики.

Состязательные загадки обычно облакались в стихотворную форму. Казахский писатель М.О. Ауэзов [12, с. 11] отмечал, что «...загадка по своей природе поэтична. И акыны-импровизаторы, высоко ценя загадку, часто выбирают ее для поэтических состязаний, поэтому многие казахские загадки существуют в поэтической форме».

В связи с этим стихотворный текст одной загадки в опубликованном виде составляет иногда несколько страниц. Эта особенность объясняется тем, что создатель загадки, если это происходит экспромтом, вынужден думать не только о том, как глубоко спрятать то, что должно быть отгадано, но и об изящности и складности стихотворного текста. Изящность и складность стиха и приводит иногда к излишней многословности. Стихотворный текст, значительно увеличивая избыточность сообщения, создает затруднения для отгадывания. Поэтому в объемном тексте стихотворной загадки трудно установить, какие строки имеют отношение к загаданному объекту, а какие нет. Если учесть и тот случай, когда внутри одной стихотворной загадки содержится много контекстных загадок, то сложность отгадывания во много раз увеличивается.

В ритмической форме, по всей видимости, нашли отражение этнопсихологические и этнокультурные

¹ Приводимые нами здесь и далее выдержки взяты из значительных по объему стихотворных текстов. При этом нарушается стихотворная форма загадки и передается только ее смысл.

особенности казахского народа, что не раз в прошлом отмечали российские исследователи. Так, выдающийся востоковед-тюрколог В. Радлов [28, с. 332] смог уловить музыку казахской речи: «киргизы² выделяются среди всех своих соседей даром речи. Речь каждого киргиза течет плавно и свободно. Киргиз так владеет словом, что он не только может произносить длинные импровизации в стихах, но и обычная его речь отличается определенным ритмом в построении фраз и периодов, так что и она нередко подобна стихам. Она образна, выражения ясны и точны, нет ничего удивительного в том, что именно у такого народа возникла особенно богатая народная литература». Подобным же образом отзывался о казахах и российский исследователь В.И. Массальский [19, с. 370]: «Отличительной чертой киргиза является любовь к поэзии и умение излагать свои мысли не только ясно и изящно, но и красноречиво. Отсюда высокое развитие устной народной литературы, отличающейся богатством и разнообразием».

Особенности отгадывания казахских традиционных загадок

Из поколения в поколение передавались не только сами загадки, но и способы их отгадывания.

Обычно в загадках загадываются не основные приметы предмета и явлений, а их скрытые признаки. Иносказательная форма придается загадкам не только для затруднения отгадки, она также призвана раскрывать внутренние скрытые свойства вещей, что роднит их с пословицами как другим жанром фольклора, что отмечал М.М. Муканов³.

Порождение загадки и поиски отгадки можно представить в виде состязания двух игроков, при котором стратегия первого игрока (автора) хороша, если загадку никто не может отгадать. Напротив, стратегия отгадчика (второго игрока) хороша, если он сможет разгадать замысел создателя загадки. Таким образом, состязание превращается в борьбу стратегий загадывания («шифровки») и разгадывания («дешифровки») культурного контекста (предметы быта, явления природы, особенности уклада жизни и менталитета, жизненные ценности, уроки, мудрость и т. д.).

В загадке сходство того, что дано, и того, что требуется отгадать, завуалировано всякого рода ухищрениями. В каждой загадке проявляются сложные ассоциативные связи. Загаданный объект глубоко скрыт под оболочкой различных средств (передача в стихотворной форме, многозначность связей и др.). Однако такой способ создания структуры загадок для тех, кто их отгадывает, как раз и занимателен, так как позволяет испытать степень своей интеллектуальной

зрелости. Как уже отмечалось выше, тексты загадок часто были стихотворными (или, иными словами, имел место эстетический способ передачи информации). Это делалось с целью увеличить воздействие на противника и публику, вызвать дополнительный интерес к процессу. Отгадчику трудно установить, что в тексте использовано исключительно в целях рифмовки, а что относится непосредственно к смыслу (ментальной стороне информации).

Возьмем, к примеру, загадку: «тәрде тәртеуі отыр төремін деп, есікте екеуі отыр өлемін деп» (на почетном месте сидят четверо — горделивые, а у двери двое — обиженные»). В данном случае перевод осуществлен правильно, но для русского читателя и даже для молодого поколения казахов не понятно, о чем здесь идет речь. Это объясняется тем, что тот, кто создавал загадку, к казахскому слову «төр» (гостиная) подбирал по рифме слово «төртеу», что означает «четверо». Между тем, слово «четверо» не имеет никакого отношения к содержанию загадки, а подобрано автором с целью обеспечить рифмовку. Не только носители другого языка, но даже некоторые казахские фольклористы не всегда отдают отчет в том, что слово «төртеуі» подобрано по сходству звучания со словом «төр». Между тем вещей, которые находятся внутри юрты (төр), не обязательно должно быть четыре, а может быть больше или меньше (ответ: почетное место — место для гостей внутри юрты, а дверные косяки при входе место, где гостей никогда не сажали).

В загадках трудно найти привычную для современного человека логику. Поэтому мы сочли возможным интерпретировать способ «штамповки» загадки, а также ее контекст в широком смысле как факторы, влияющие на отгадку (дешифровку) загадки.

Трудности, вызванные метафоричностью, особенно проявляются в разгадывании состязательных загадок. Для достижения замаскированности загаданного объекта от автора требуются особые усилия. Сложность создания загадки усугубляется тем, что автор должен думать не только о маскировке ответа, но и о необходимости облечь содержание в стихотворную форму. Одновременное соблюдение этих требований составляет еще большую нагрузку для ума. Для отгадчика эти трудности оборачиваются другой стороной. Из всего многообразия строк загадки (длина текста этих загадок иногда может достигать нескольких страниц) он должен выбрать то, что относится именно к загаданному объекту, и держать это в поле внимания.

Кроме того, отметим, что модель рассматриваемой разновидности казахской загадки часто не является вопросительной. «Вопрос» в ней, как правило, вообще не является вопросительным по форме, а, по

² В Российской империи казахов называли киргизами.

³ Но между иносказательностью загадок и пословиц есть существенное различие. Объясняя причины иносказательного характера пословиц, М.М. Муканов [22, с. 91] пишет: «Логично предположить, что причина иносказательности казахских пословиц связана с общей проблемой табу, и функция иносказания имела корни в разного рода представлениях, связанных с фантастическим отражением действительности. Иначе трудно себе представить, почему человек то, что хочет сообщить другому, не всегда сообщает прямо, а собственные суждения подкрепляет высказыванием (метафорой)».

крайней мере, внешне, является утверждением. Это видно, например, в приведенной выше загадке Сапаргали и некоторых других его загадках. Приведем их в кратком переводе: «Видел странное существо, имеющее на голове шляпу; оно часто шипит, вода в нем вкуснее меда...(самовар)»; «Есть дом без окон и дверей: при его поломке оттуда выходит живое... (яйцо)»; «Есть сумка, что в нее попадает, из себя не пропускает, нет у нее постоянного места, изредка живое рождает... (сеть)» [1].

Следует отметить, что если отгадывание обычных загадок основано на сходстве формы или цвета и пр., то отгадывание составительных загадок требует опоры преимущественно на функциональный признак. Едва заметные функциональные признаки трудно улавливаются. Составители составительных загадок затрудняли загадки не ради забавы, а при их отгадке проверялась в публичных состязаниях интеллектуальная зрелость человека. Поэтому авторы старались так зашифровать ответ, чтобы участники противоположной стороны не могли отгадать загадку.

Эта особенность «устройства» загадки и процесса ее отгадывания существенно отличает традиционную казахскую загадку от обычной учебной задачи и сближает ее с тем, что в психологии получило название «творческих задач» или «задач на соображение» [27]. При решении учебной задачи основная нагрузка падает на память и логическое рассуждение. Решая учебную задачу, человек понимает, что именно из его опыта может быть использовано для поиска решения и корректно применяет это знание. При решении творческой задачи человек сталкивается с ситуацией, когда его понимание ошибочно, способ неадекватен, и успешность поиска зависит от того, сможет ли он преодолеть свой способ действия. Поэтому при решении творческой задачи большая нагрузка падает на воображение и рефлексии [11].

Но в казахских загадках оба процесса (и загадывание, и разгадывание) еще осложняются требованием позаботиться не только о том, чтобы хорошо спрятать загаданный объект и одеть его в одежду метафоры, но и об изящности описательной части, соответствии ее формам стихосложения, эстетической привлекательности, что превращает само состязание в театральное зрелище. Поэтому создание и отгадывание загадок является нелегким делом.

Складность загадки, с точки зрения стихосложения, хотя и приятна для слуха, только затрудняет восприятие, создавая преграду дифференциации основного сюжета загадки от избыточных моментов стихотворного текста.

Загадки, которые мы назвали обычными, по трудности отгадывания в ряде случаев не уступают составительным загадкам. Трудности их отгадывания связаны с замаскированностью ответа под оболочкой этнического контекста. Способность отгадывать загадки опирается на модели, усвоенные вместе с культурными практиками. Для отгадывания загадок недостаточно знать язык народа, а нужно знать контекст. Под контекстом имеется в виду знание истории и обычаев данного этноса, представителями

которого создавались загадки. Такая точка зрения согласуется с мнением Дэна Бен Амаса [33, р. 249–250] о влиянии на отгадку (дешифровку) загадок знания культурного опыта сообщества, их создавшего. Исследователь предположил, что «...каждое объяснение может быть действительным до тех пор, пока оно предлагается носителем языка, который разделяет культурный опыт сообщества и имеет адекватное знакомство с традиционными знаниями».

Связь между текстом загадки и загаданным объектом зиждется не на существенных, а на случайных, латентных, функциональных признаках. Эти случайные признаки, на которые намекает загадка, в каждом этносе бывают различными. Если бы этого не было, т. е. связь была бы однозначной, то в отгадывании загадок не было бы проблемы, а загадка превратилась бы в типовую учебную задачу, в которой явным образом содержится подлежащий усвоению способ действия.

Многозначность и случайный характер связей в загадке выражается в том, что отгадчик идет от частного объекта к распознаванию скрытого его качества в другом частном предмете. Такой ход мысли можно назвать умозаключением по аналогии. Умозаключение по аналогии в психологическом плане часто зиждется на ассоциации по сходству. Возможно, что ассоциация по сходству играет в отгадывании загадок исключительную роль. Дело в том, что объект в тексте загадки в какой-то степени кажется сходным с другим предметом (который в нем зашифрован). Поэтому, когда испытуемому предлагают для отгадывания загадку, он перебирает в памяти предметы, напоминающие загаданный объект. Конечно, условие загадки не всегда может совпадать с ответом отгадчика, но он все-таки видит хотя бы отдаленное сходство с предметом.

В большинстве загадок требуется, чтобы отгадчик идентифицировал объект, указанный в аллюзивных общих утверждениях. Как известно, умозаключение по аналогии, включая и трансдукцию, представляет собой процесс перехода мысли от частного к частному. Нам кажется, что именно этот вид связей лежит в основе процесса отгадывания традиционных казахских загадок. В поисках ответа отгадывающий выдвигает гипотезы, в которых может содержаться аналогия с исходным текстом загадки. По мере выстраивания целостной картины связей существенных элементов требование к искомой аналогии конкретизируется. Когда существенные признаки искомого объекта или ситуации определены, осуществляется переход к идентификации аналогичного объекта. Внезапное обнаружение совпадения объектов по сходству нередко переживается как инсайт [23] — явление, которое стало основным объектом исследований в европейской традиции продуктивного мышления [9] и в психологии творческого мышления в России (Рубинштейн С.Л. [29], Пономарев Я.А. [27], Брушлинский А.В. [3], Зарецкий В.К. [10, 11], Эльконин Б.Д. [31] и др.).

В мышлении отгадчика большую роль играет перебор различных вариантов в целях нахождения иско-

мого, но, как творческие задачи, так и казахские загадки не могут быть решены путем перебора вариантов.

Соотнесение текста загадки с загаданным объектом зависит прежде всего от выдвигаемой гипотезы, от догадки. Очень редко отгадчик «с ходу» отгадывает загаданный объект. Одну за другой он выдвигает частные гипотезы, в которых меняется видение проблемной ситуации, заключенной в загадке. И новые варианты являются производными от новой «картинки» ситуации. Решение наступает при совпадении двух образов: образа, заключенного в загадке, и образа в отгадке, в котором оказывается извлеченным скрытое содержание.

Заключение

Использование методов этнопсихологии (психологической антропологии), исторической этнологии и культурно-исторической психологии представляется весьма продуктивным для изучения роли загадок в культурном, интеллектуальном, личностном развитии представителей соответствующего этноса в дописьменный период. Казахские загадки являются ярким примером традиционной формы трансляции культурно-исторического опыта из поколения в поколение, компенсирующего отсутствие института образования в современном смысле слова. Как жанр, загадки принадлежат во всех культурах к архаическому слою фольклора. Но образы и поэтические комментарии даже простых загадок явно являются частью общей литературной культуры. Они не только остаются в культуре письменного человека как вещь, как напоминание об угаснувшей традиции,

но и содержат в себе в своеобразном зашифрованном виде уникальные исторически сложившиеся способы мышления, особенности менталитета, формы хранения, накопления и передачи культурно-исторического опыта этноса, поддерживающего его целостность и уникальность.

В традиционных казахских загадках находят отражение этноментальные парадигмы казахского народа. Знакомство с ними дает возможность познакомиться с историческим контекстом жизни казахского общества.

В простых народных загадках обычно даются внешние признаки предметов, а в составительных загадках параллельно с этим обрисовываются наиболее существенные их качества и причины явлений. В простых загадках отгадка, как правило, выражена одним словом или простым предложением. В составительных загадках отгадка, как и сама основа загадки, выливается в форму поэтически рифмованных стихотворных строк.

Если обычные загадки предназначены в основном для развлечения, то составительные загадки имели более глубокой цели. Практика разгадывания загадок как бы заменяла школьные знания, обучая детей быстроте мышления, интеллектуальным навыкам и классификации. Составительные загадки, сложенные в основном поэтами-импровизаторами, пропагандировали значение знаний, искусства, техники. В составительных загадках затрагивались также общественные и социальные темы. То есть на протяжении веков загадки, как часть устного народного творчества, выполняли различные социальные функции, главной из которых следует считать функцию образовательную — трансляцию культурно-исторического опыта.

Литература

1. Айттыс. Т. 2. Алматы: Жазушы, 1966. 664 с.
2. *Алекторов А.* Киргизские загадки // Астраханские ведомости. 1893. № 1302.
3. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование: (Логико-психологический анализ). М.: Мысль, 1979. 230 с.
4. *Валиханов Ч.Ч.* [О формах казахской народной поэзии]. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии. 1984. С. 280–286.
5. *Васильев А.В.* Образцы Киргизской народной словесности. Вып. 2. Оренбург: Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. 64 с.
6. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Педагогика, 1987. 341 с.
7. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.
8. Даланың дара дилмарлары (Избранные ораторы степи). Алматы: ТОО «Издательский Дом “Казахстан”», 2001. 592 с.
9. *Дункер К.* Психология продуктивного (творческого) мышления // Психология мышления / М.: Прогресс, 1965. С. 86–234.
10. *Зарецкий В.К.* Творчество. Рефлексия. Самоопределение // Материалы второй Всероссийской конференции по экзистенциальной психологии. М.: Смысл, 2004.

References

1. Aytys [Aytys]. Tom. 2. Almaty: Zhazushy, 1966. 664 p. (In Kazakh).
2. Alektorov A. Kirgizskie zagadki [Kyrgyz riddles]. *Astrahanskije vedomosti [Astrakhan vedomosti]*, 1893, no. 1302. (In Russ.).
3. Brushlinskiy A.V. Myshleniye i prognozirovaniye.: (Logiko-psikhologicheskij analiz) [Thinking and forecasting.: (Logical and psychological analysis)]. Moscow: Mysl', 1979. 230 p. (In Russ.).
4. Valikhanov Ch.Ch. [O formah kazahskoj narodnoj poezii]. [On Forms of Kazakh Folk Poetry]. Sobr. soch. v 5 t. Alma-Ata: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy sovetskoj entsiklopedii, 1984. Vol.1, pp. 280–286. (In Russ.).
5. Vasile'v A.V. Obrazcy Kirgizskoj narodnoj slovesnosti [Samples of Kyrgyz Folk Literature]. Orenburg: Tipolitografiya F.B.Sachkova, 1900. Vol. 2. 264 p. (In Russ.).
6. Vygotskii L.S. Psihologiya iskusstva [The Psychology of Art]. Moscow: Pedagogika, 1987. 341 p. (In Russ.).
7. Vygotsky L.S. Myshleniye i rech.' Moscow: Labirint, 1999. (In Russ.).
8. Dalanyñ dara dilmarlary [Selected Speakers of the Steppe]. Almaty: Kazakhstan, 2001. 592 p. (In Kazakh).
9. Dunker K. Psihologiya produktivnogo (tvorcheskogo) myshleniya. Psihologiya myshleniya. Moscow: Progress. 1965. P. 86–234. (In Russ.).

11. Зарецкий В.К. Социальное познание и ментальность в зеркале процесса решения творческой задачи // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 4. С. 207–222.
12. Қазақ жұмбақтары (Казахские загадки) / Сост. С. Аманжолов. Алматы: ТОО «Ана тілі», 2003. 123 с.
13. Қазақтың халық жұмбақтары (Казахские народные загадки): сб. / Сост. С. Аманжолов, Т. Жанузаков. Алматы: Қазгослитиздат, 1959. 244 с.
14. Казахские народные сказки. Алма-Ата: Жазушы, 1980. 280 с.
15. Крутник Е.П. Психологическое воздействие искусства на личность. М. Институт психологии РАН, 1999. 240 с.
16. Кукоба О.А. Природа и структура этнического менталитета [Электронный ресурс] // Философия и общество. 2004. Вып. 4(37). URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/253192/>. (дата обращения: 03.07.2021).
17. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 1997. 365 с.
18. Лурье С.В. Историческая этнология: учеб. пособие для вузов. М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. 264 с.
19. Масальский В.И. Туркестанский край // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 19. СПб., 1913. 861 с.
20. Мелиоранский П. М. Киргизские пословицы и загадки // Записки Восточного отд. императорского русского археол. общества. 1892. Вып. I. С. 20–31; 1893. Вып. VII. С. 39–50.
21. Муканов М.М. Исследование когнитивной эмпатии и рефлексии у представителей традиционных культур / Исследование рече-мысли и рефлексии. Алма-Ата, 1979. С. 3–12.
22. Муканов М.М. О казахском устном творчестве: пословицах, айтыв в их отношении к трактовке интеллектуальной деятельности / Генетические и социальные проблемы интеллектуальной деятельности. Алма-Ата, 1975. С. 87–101.
23. Муканов М.М., Нурғалиев К.А. Исследование процесса отгадывания загадок в зависимости от языка и контекста / Исследование интеллектуальной деятельности в историко-этническом аспекте. Алма-Ата, 1978. С. 18–37.
24. Муканов С. Қазақтың XVIII–XIX ғасырдағы әдебиет тарихына очерктер (Очерки по истории казахской литературы XVIII–XIX веков). Алма-Ата, 1942.
25. Пермяков Т.Л. От поговорки до сказки: заметки по общей теории клише. М.: Наука, 1970. 240 с.
26. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. М.: МГУ, 1988. 208 с.
27. Пономарев Я.А. Развитие проблем научного творчества в советской психологии // Проблемы научного творчества в современной психологии. М.: Наука, 1971. С. 46–150.
28. Радлов В. Из Сибири. М., 1989. 752 с.
29. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 147 с.
30. Турсунов Е.Д. Древнетюркский фольклор: истоки и становление. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. 167 с.
31. Эльконин Б.Д. Особенности знакового опосредования при решении творческих задач // Психологические науки и образование. 1997. № 3. С. 55–61.
32. Abrahams Roger D. Introductory Remarks to a Rhetorical Theory of Folklore // Journal of American Folklore. 1968. № 81. P. 143–158.
33. Ben A. D.. Solutions to Riddles // Journal of American Folklore. 1976. № 89. P. 249–254.
10. Zaretskiy V.K. Tvorchestvo. Refleksiya. Samoopredeleniye [Creation. Reflection. Self-determination]. *Materialy vtoroy Vserossiyskoy konferentsii po ekzistentsial'noy psikhologii*. Moscow: Smysl, 2004. (In Russ.).
11. Zaretskiy V.K. Sotsial'noye poznanie i mental'nost' v zerkale protsesssa resheniya tvorcheskoy zadachi [Social cognition and mentality in the mirror of the process of solving a creative problem]. *Konsul'tatsionnaya psikhologiya i psikhoterapiya*. = *Consultative psychology and psychotherapy*, 2014, no. 4, pp. 207–222. (In Russ.).
12. Kazakh zhumbakтары [Kazakh tales]. Comp: S. Amanzholov. Almaty: TOO «Ана тілі», 2003. 123 p. (In Kazakh).
13. Kazaktyn halyk zhumbakтары [Kazakh folk tales]: collection. Comp: S. Amanzholov, T. Zhanuzakov. Alma-Ata: Kazgoslitizdat, 1959. 244 p. (In Kazakh).
14. Kazahskie narodnye skazki [Kazakh folk tales]. Alma-Ata: Zhazushy, 1980. 280 p. (In Russ.).
15. Krupnik E.P. Psihologicheskoe vozdejstvie iskusstva na lichnost' [The psychological impact of art on the personality]. Moscow: Institut psihologii RAN, 1999. 240 p. (In Russ.).
16. Kukoba O. A. Priroda i struktura etnicheskogo mentaliteta [Nature and Structure of the Ethnic Mentalitete]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 2004, no. 4 (37). URL: <http://www.socionauki.ru/journal/articles/253192/>. (Accessed 03.07.2021). (In Russ.).
17. Leont'ev A.A. Psihologiya obshcheniya [Psychology of Communication]. Moscow: Smysl, 1997. 365 p. (In Russ.).
18. Lur'e S.V. Istoricheskaya etnologiya: Uchebnoe posobie dlya vuzov [Historical Ethnology: Textbook for Higher Education Institutions]. Moscow: Akademicheskij Proekt: Gaudeamus, 2004. 264 p. (In Russ.).
19. Masalskij V.I. Turkestanskij kraj [Turkestan Region]. In *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego otechestva* [Russia. A Complete Geographical Description of Our Fatherland]. Saint-Petersburg, 1913. Vol. 19. 861 p. (In Russ.).
20. Melioranskij P.M. Kirgizskie poslovicy i zagadki [Kyrgyz proverbs and riddles]. *Zapiski Vostochnogo otd. imperatorskogo russkogo arheol. Obshchestva* [Notes of the Eastern Department of the Imperial Russian Archeology Society], 1892. Vol. I. pp. 20–31; 1893. Vol. VII, pp. 39–50. (In Russ.).
21. Mukanov M.M. Issledovanie kognitivnoj empatii i refleksii u predstavitelej tradicionnyh kultur [A Study of Cognitive Empathy and Reflexivity in Traditional Cultures]. *Issledovanie reche-mysli i refleksii* [Study of speech-thought and reflection]. Alma-Ata, 1979, pp. 3–12. (In Russ.).
22. Mukanov M.M. O kazahskom ustnom tvorchestve: poslovitsakh, aytys v ikh otnoshenii k traktovke intellektual'noy deyatel'nosti [About Kazakh oral creativity: proverbs, aitys in their relation to the interpretation of intellectual activity]. *Geneticheskiye i sotsial'nyye problemy intellektual'noy deyatel'nosti* [Genetic and social problems of intellectual activity]. Alma-Ata, 1975, pp. 87–101. (In Russ.).
23. Mukanov M.M., Nurgaliyev K.A. Issledovaniye protsesssa otgadyvaniya zagadok v zavisimosti ot yazyka i konteksta [Study of the process of guessing riddles depending on the language and context]. *Issledovaniye intellektual'noy deyatel'nosti v istoriko-etnicheskom aspekte*. [Study of intellectual activity in the historical and ethnic aspect]. Alma-Ata, 1978, pp. 18–37. (In Russ.).
24. Mukanov S. Kazaktyn XVIII–XIX gasyrdagy edebiet tarihyan ocherkter [Essays on the History of Kazakh Literature in the Eighteenth and Nineteenth Centuries]. Almaty, 1942. (In Russ.).
25. Permyakov T.L. Ot pogovorki do skazki: zametki po obshchey teorii klishe [From Proverb to Tale: Notes on General Cliché Theory]. Moscow: Nauka, 1970. 240 p. (In Russ.).

34. Dienhart John M. A Linguistic Look at Riddles. In *The Language of Riddles, Humor and Literature* / Edited by Nina Nørgaard. Odense: University Press of Southern Denmark, 2010. 279 p.
35. Evans D. Riddling and the Structure of Context // *The Journal of American Folklore*. 1976. № 89. P. 166–188.
36. Kaivola-Bregenhøj A. The Riddle: Form and Performance // *Humanities*. 2018. № 7, 49. P. 3–17.
37. Levi-Stross C. *Pense'e sauvage*. Paris: Plon, 1962. 389 p.
38. Taylor A. *English Riddles from Oral Tradition*. Berkeley: University of California Press, 1951. 344 p.
29. Petrenko V.F. Psihosemantika soznaniya [Psychosemantics of Consciousness]. Moscow: Publ. MGU, 1988. 208 p. (In Russ.).
27. Ponomarev YA.A. Razvitiye problem nauchnogo tvorchestva v sovetskoj psikhologii [Development of problems of scientific creativity in Soviet psychology]. *Problemy nauchnogo tvorchestva v sovremennoj psikhologii* [Problems of scientific creativity in modern psychology]. Moscow: Nauka, 1971, pp. 46–150.
28. Radlov V.V. *Iz Sibiri*. [From Siberia]. Moscow: GRVL, 1989. 752 p. (In Russ.).
29. Rubinshteyn S.L. O myshlenii i putyakh yego issledovaniya [About thinking and ways of its research]. Moscow: AN SSR publ, 1958. (In Russ.).
30. Tursunov E.D. Drevnetyurkskij fol'klor: istoki i stanovlenie [Ancient Turkic Folklore: Origins and Formation]. Almaty: Dajk-Press, 2001. 167 p. (In Russ.).
31. El'konin B.D. Osobennosti znakovogo oposredovaniya pri reshenii tvorcheskikh zadach [Peculiarities of sign mediation in solving creative problems]. *Psikhologicheskiye nauki i obrazovaniye = Psychological sciences and education*, 1997, no. 3, pp. 55–61 pp. (In Russ.).
32. Abrahams Roger D. Introductory Remarks to a Rhetorical Theory of Folklore. *Journal of American Folklore*, 1968, no. 81, pp. 143–158.
33. Ben Amos Dan. Solutions to Riddles. *Journal of American Folklore*, 1976, no. 89, pp. 249–254.
34. Dienhart John M. A Linguistic Look at Riddles. In *The Language of Riddles, Humor and Literature*. Edited by Nina Nørgaard. Odense: University Press of Southern Denmark, 2010. 279 p.
35. Evans David. Riddling and the Structure of Context. *The Journal of American Folklore*, 1976, no. 89, pp. 166–188.
36. Kaivola-Bregenhøj Annikki. The Riddle: Form and Performance. *Humanities*, 2018, no. 7, 49, pp. 3–17.
37. Levi-Stross C. *Pense'e sauvage*. Paris, Plon, 1962. 389 p.
38. Taylor Archer. *English Riddles from Oral Tradition*. Berkeley: University of California Press, 1951. 344 p.

Информация об авторах

Нурғалиева Агила Мұстахимовна, доктор исторических наук, доцент, Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова, г. Уральск, Казахстан, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4447-5935>, e-mail: agilan2009@rambler.ru

Нурғалиев Кенес Айтжанович, кандидат психологических наук, доцент, Западно-Казахстанский университет имени М. Утемисова, г. Уральск, Казахстан, член ИСКАР, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-5272>, E-mail: nourgk@rambler.ru

Information about the authors

Agila M. Nurgaliyeva, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, West Kazakhstan University after M. Utemissov, Uralsk, Kazakhstan, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-4447-5935>, e-mail: agilan2009@rambler.ru

Kenes A. Nourgaliev, PhD in Psychology, Associate Professor, West Kazakhstan University after M. Utemissov, Uralsk, Kazakhstan, Member of ISCAR, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8838-5272>, e-mail: nourgk@rambler.ru

Получена 16.11.2022

Принята в печать 08.12.2022

Received 16.11.2022

Accepted 08.12.2022